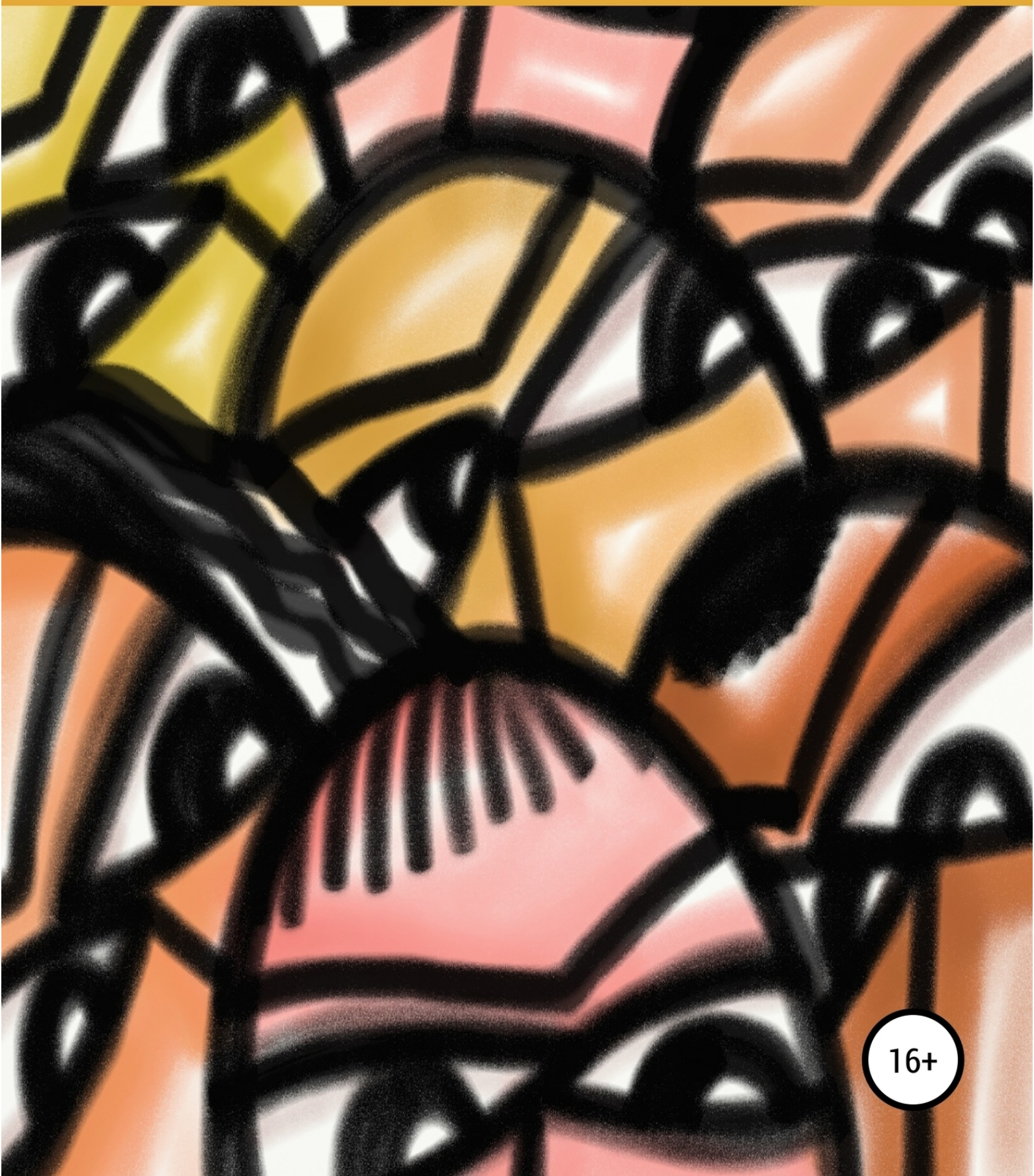

Шахло Хошимова

Судьбы людей в эпоху перемен

16+

Шахло Хошимова

Судьбы людей в эпоху перемен

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Хошимова Ш. Т.

Судьбы людей в эпоху перемен / Ш. Т. Хошимова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

По свидетельству ученых, в период перелета птиц на далекие расстояния некоторые их виды полностью исчезают. К сожалению, нет никакой возможности прекратить миграцию птиц - этот процесс связан со сменой времен года и законами природы, перед которыми ученые бессильны... В повести "Судьбы людей в эпоху перемен" предстает широкое полотно жизни страны в переходный период, когда люди, чтобы выжить, вынуждены оставить свою родину и отправиться в неизведанные края на поиски лучшей жизни.

© Хошимова Ш. Т., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

В оформлении обложки использовано изображение автора Dawn Hudson «The crowd of people» с <https://publicdomainpictures.net/> по лицензии ССО

Дни стояли холодные. Наступала осень.

Время от времени сеялся мелкий дождь. Хотя он лишь моросил, кропил землю, но не радовал, как весенний дождь, а заставлял ежиться от холода. Сады еще не впали в зимнюю спячку, а только начинали дремать.

Тишину сада, смирившегося с судьбой, нарушал лишь один звук – неприятное карканье ворон. Тысячи певчих птиц, распевавших в раскидистых кронах деревьев на разные голоса и лады, радовавших слух и душу, давно покинули сад. Вначале они несколько дней беспокойно взлетали, кружили в небе, опять возвращались. Но, повинуясь вечному зову, наконец, простились с садом и полетели на юг, в теплые края. Их ждет долгий, трудный, опасный путь. Пока стаи долетят до намеченной цели, многие из птиц погибнут...

По свидетельству ученых, в период перелета птиц на столь далекие расстояния некоторые виды пернатых полностью исчезают. К сожалению, нет никакой возможности прекратить миграцию птиц – этот процесс связан со сменой времен года и законами природы, перед которыми ученые бессильны...

В истории человечества во время смены эпох – войн, смены власти, в период нашествия завоевателей, наблюдалась массовая миграция целых народов. В результате подобных миграций происходила ассимиляция малых наций и народностей. Это приводило к тому, что они теряли свой язык, верования, традиции и обычаи. Часто малые народы входили в состав государств, которые считались сильными. Но спасая свою жизнь, они теряли самобытность.

Размышляя об этом, Надир кружил по саду, раскинувшемуся в конце большого безлюдного двора. Парень исстрадался, видя, в каком запущенном состоянии находится сад оттого, что розы и деревья не подрезаны, виноградник так и остался на шпалерах, хотя его давно нужно было закопать в землю. Как покойный отец ухаживал за садом! Он уделял внимание каждому дереву, каждому цветку, весной покупал новые саженцы, делал прививки, скрещивал разные сорта. В разведении сада ему помогали опыт и знания – он был учителем биологии в школе. Когда люди входили в их сад, чувствовали радость... И вот в каком состоянии он теперь...

Целый месяц Надир ездил в город. Он обращался к самым известным врачам. Потеряв надежду, что сошедшая с ума мать поправится, парень совсем упал духом и выпал из жизни. Когда врачи пришли к единому мнению, он поместил мать в больницу для душевнобольных.

Одно время известная на всю республику Олтиной Хайдарова, которая ни много ни мало двадцать лет была председателем передового колхоза, стала пациенткой столь печальной лечебницы...

Сколько себя помнил, Надир всегда видел мать в машине. Одно время машину водил отец. Но чтобы не обременять мужа лишней работой, мать сама села за руль. Когда ее избрали председателем колхоза, у нее появился водитель. То ли ей были не по душе разъезды с чужим человеком, то ли не нравилась роль пассажирки, а может, была какая-то неизвестная Надиру причина, словом, мать отказалась от водителя и до последнего времени сама водила машину. С утра до вечера ездила по полям, не завтракала и не ужинала с семьей. Домашним хозяйством, а кроме того, воспитанием Надира занималась строгая, невероятно требовательная бабушка. Весь день она хлопотала по дому, Надир был постоянно при ней. Но ему не хватало материнской заботы и ласки. Когда Олтиной приходила, наконец, домой, он взбирался к ней на колени, обнимал за шею. К сожалению, такие мгновения были редкостью, чаще всего он засыпал до возвращения матери. Надир завидовал детям, чьи матери были домохозяйками.

Олимжон на рассвете будил сына. Надир умывался, завтракал, а затем они вместе шли в школу, отец – преподавать биологию, сын – учиться.

Отец и бабушка часто говорили матери:

– Почему ты себя не жалеешь? Ты ведь не железная, человек должен время от времени отдыхать.

– В этом году много работы. Мы обязательно должны выполнить план, – отвечала мать, и никому, ни себе, ни другим, не давала покоя, пока не завершат дела. Ее жизнь, ее мысли были связаны с хлопком, планом и доверием партии. Ничего другого она не признавала. Ей казалось, если ее не будет, работа остановится, колхозное имущество растащат, она опозорится перед партией, которая оказала ей столь высокое доверие.

Из тех двадцати лет ее работы в должности председателя колхоза последние десять лет выдались беспокойными. Это были тяжелые времена. Без учета того, что от интенсивного земледользования, почва истощалась, а силы хлопкоробов имели предел, год от года повышался план заготовок хлопка. В результате, некоторые руководители хозяйств пошли по пути обмана. Стали скупать хлопок на стороне, делать приписки. Можно было видеть такую картину: на полях оставались уже не стебли, а голые прутья, хлопкоробы собирали курак – нераскрывшиеся коробочки хлопка, однако несуществующие тонны включались в отчеты, планы выполнялись, центру с «чистой совестью» отправляли рапорты... и центр будто бы этому верил.

Надир был подростком, не понимал, что происходит, но иногда, когда мать возвращалась ночью, он просыпался и слышал ее печальные признания отцу:

– Меня не перестает удивлять одно. Мы «выполняем план» за счет приписок, но как понять порожние вагоны, которые идут в центр? Неужели ложь расплодилась по всей стране? – говорила она, потирая лоб.

– Олтиной, то, что ты делаешь, к добру не приведет. Рано или поздно обман откроется. Уходи с работы, – говорил отец. Мать, тяжело вздыхая, продолжала:

– Нас много. Мы все связаны друг с другом. Мы угодили в какую-то сеть, зная, что все закончится плачевно, и плетем ее все шире и шире... К сожалению, один конец этой сети в моих руках... Только центр может освободить нас, если признает, что в результате завышенного плана возникла эта сеть и что в этом виноваты они сами. Кто требует выполнять невыполнимые приказы? Кто подталкивает нас к тому, чтобы мы делали приписки?.. Кто заставляет свой народ совершать преступления?.. Где специалисты этой отрасли?.. Почему молчат те, кто принимает пустые вагоны?.. Самое интересное, журналисты, которые поднимают шум по мелочам, на этот раз похоже язык проглотили...

Естественно, слушая такие беседы родителей, Надир ничего не понимал, но то, что с матерью творились неприятные вещи, он видел по глазам отца и бабушки. В последнее время такие беседы происходили довольно часто. Отец завел привычку, когда матери не было дома, погруженным в глубокую печаль в одиночестве гулять по саду. Чувствуя, как на ее детей обрушиваются удары судьбы, бабушка с горя старела, теряла силы. Когда начались допросы, мать была арестована в числе первых.

Воротили из центра, которые нажили несметные богатства за счет приписок, люди, которые принимали пустые вагоны – те, кто придумал и осуществил этот чудовищный план, вышли сухими из воды. Репрессивная машина начала «победное» шествие по республике. Несмотря на то, что все знали, что золотые руки дехкан выращивали и собирали белое золото, их чуть ли не поголовно сажали в тюрьму... Через короткое время империя, мощь которой казалась безграничной, но которая подтачивалась изнутри, рухнула, партия, которая до этого чуть ли не обожествлялась, была низвергнута, все, возведенные в ранг святых, рассыпались в прах.

После пяти лет заключения мать была оправдана, вернулась домой. К этому времени отца и бабушки уже не было на свете, они ушли из жизни один за другим.

Колхозы были упразднены. Вместо них появилась новая форма хозяйствования – фермерство. Новые предприниматели, пользуясь моментом, торопливо присваивали здания, расхватывали технику, которая была на балансе колхозов. Однако, они не сразу поняли, что вести дело в колхозе и в частном хозяйстве – разные вещи.

За аренду земли, за семена, удобрения, содержание техники – за все нужно было платить из собственного кармана. Стала злободневной проблема выплаты зарплаты рабочим. Сельские труженики, по привычке, на рассвете, закинув кетмень на плечо, шли в поле. Однако, если один из новых хозяев земли смог наладить работу, то пятеро фермеров с этой задачей не справлялись. Многие становились банкротами. Бедняги рабочие, хоть и не получали зарплату, брали кетмень и шли в поле. Их семьи бедствовали. Мужчины, шли на самую тяжелую работу, за которую им платили гроши. Привыкшие трудиться на земле, любящие свои кишлаки и семьи, мужчины вдруг оказывались среди чужих людей, в самых далеких краях. Были и такие, которые целыми днями бродили по улицам. Чайханы, гузары были сплошь забиты безработными.

Положение людей с высшим образованием было еще тяжелее. Почти все научно-исследовательские институты, лаборатории союзного значения прекратили свою деятельность, новые власти не знали, что с ними делать. Из-за безработицы и нищеты интеллигенция была на грани безумия. Как и многие сельские жители, Надир, редкий специалист по сельскому хозяйству, оказался невостребованным.

Когда мать оказалась в тюрьме, его отец, отказывая себе во всем, дал сыну образование. «Ты терпи, сцепи зубы, сын, все со временем утрясется. Не теряй надежду. Будь волевым и сильным, тогда всегда будешь достойно выходить из любой ситуации», – повторял отец. Через два года после смерти отца, домой вернулась сошедшая с ума мать. От прежней Олтиной Хайдаровой в ней ничего не осталось.

Надо сказать, люди – забавные создания. Услышав, что мать посадили в тюрьму, сельчане сначала удивились. Горевали. Говорили: «Нет, не может быть. Это ведь не кто-нибудь, а знаменитая Олтиной Хайдарова, прославленная на всю республику, награжденная несколькими орденами». Через некоторое время их взгляды изменились: «Государство невиновных не осудит, преступления раскрываются даже через тысячу лет». Когда мать освободили, люди опять удивились: «Странно, она совершила столько преступлений, почему ее выпустили на свободу?». Затем они пришли к другому выводу: «Бедняга, из-за того, что она потеряла рассудок, ей простили ее проступки. Бог наказал ее».

Действительно, Олтиной Хайдарова вернулась из тюрьмы в очень странном состоянии. Прежде она была немногословной, обдумывала каждое слово, которое собиралась сказать, говорила коротко и ясно, чтобы всем было понятно. Она умела выслушивать мнение своих подчиненных, относилась с уважением к молодым и старым, женщинам и мужчинам. Людей, которые зарывались, всегда ставила на место. И вот такая женщина сошла с ума. Она ходила кругами по большому двору и саду, и делала доклад: «Несправедливость, очковтирательство, фальшивые показатели способны подорвать устои любого строя. Народ нужно понимать, воспитывать его, не загонять людей в тупик, не заставлять их совершать преступления».

Люди потихоньку стали обходить эти двери стороной. Мать Надира была занята собой, день и ночь проводила «собрания», искала пути лучшего устройства жизни, чтобы республика не отставала в своем развитии от соседних государств, с горечью восклицала: «Эх, когда же мы будем людьми?» Иногда вспоминала, что сидела в тюрьме, что ее заслуги не были оценены, что вместе с ней были посажены невинные люди. Некоторые из них умерли в заключении. Она их оплакивала...

Надир наблюдал за матерью со стороны, ломал голову над тем, как ей помочь. У него не было ни гроша, чтобы лечить ее. Многие его друзья уехали на заработки за границу. Но ему путь был заказан – он не мог оставить мать в таком состоянии. После долгих раздумий, он пришел к решению: продать дом, пожить какое-то время на квартире, лечить мать. На оставшиеся деньги купить жилье на окраине города. Все же там будет возможность подыскать какую-то работу... Но ему не удалось осуществить эти планы. Полученные за большой участок деньги старого режима обесценились и стали пеплом. Словно этого удара судьбы было мало, лечение матери оказалось безрезультатным. По совету докторов, он вынужден был поместить мать в

психиатрическую клинику. Сам он остался фактически на улице. Только в уме звучали слова отца: «Будь волевым и сильным».

Состояние города было ничем не лучше села. Заводы, фабрики, разные организации остановили свою работу. Безработные вынуждены были идти на базар, оптом скупали продукцию дехкан и понемногу реализовывали ее. Некоторые уезжали за границу. Более-менее образованные возвращались с заработком, неудачники пропадали без вести... Люди боялись давать кому-то деньги в долг. Те, которые давали, потом об этом сожалели, потому что долги не возвращали. Ростовщики давали деньги под большие проценты. А сколько было тех, которые радовались, что нашли работу, но работали без зарплаты...

Надир говорил себе: «Не надо ждать у моря погоды, надо двигаться вперед». Говорить-то говорил, только, не видя впереди луча света, часто впадал в уныние, считал себя неудачником, который забрел в тупик. Он знал, что заниматься куплей-продажей не сможет, что не сможет примириться с ложью, которая была вокруг. В то же время полученные им знания в области сельского хозяйства в данный момент никому не были нужны. Он обращался в научно-исследовательский сельхозинститут. Однако, организация, едва сводящая концы с концами, не пустила на порог еще одного неопытного нахлебника. Потеряв надежду найти работу по профессии, Надир стал соглашаться на любую работу: пробовал работать официантом в ресторане, но там не платили зарплату. «Чаевые, которые получите у посетителей, и будут вашей зарплатой», – предупредили хозяева места. Однако, большинство посетителей (даже те, кто были богато одеты) ничего не оставляли. Они оплачивали только заказ. Причем несколько раз пересчитывали, что почем. Некоторые в подпитии, издевались, говорили: «Все вы обманщики, рвачи», – и уходили, хлопнув дверью.

Надир не мог мириться с оскорблениями и унижениями. Через месяц стал работать на частном предприятии, выпускавшем зеркала. Платили мало, и Надир надеялся, что, видя, как он много и честно работает, ему повысят зарплату, старался изо всех сил. Однако, хозяева подумывали о том, чтобы взять на его место родственника.

Большая часть заработка шла на квартплату, на оставшиеся деньги Надир вел полуголодную жизнь, в больницу ходил с пустыми руками. Занимать у кого-то деньги не решался, боясь, что не сможет вернуть долг, да и сомневался, что у кого-то из его знакомых есть деньги. Если бы, со свойственной молодым людям прямоотой, он поставил вопрос о повышении зарплаты, все равно бы ничего не добился. Хозяева сказали бы не стали его удерживать и указали на дверь. Словом, и от этой работы не было прока.

После долгих поисков нашел еще одну. Его взяли ночным сторожем на знаменитую в свое время шоколадную фабрику, выпускавшую конфеты «Каракум». В нынешние времена фабрика занимала большую площадь, на которой остались четыре полуразрушенных цеха со ржавыми станками. Перестав выпускать продукцию, предприятие стало некредитоспособным, не выплачивало налог на имущество, имело большие долги. Директор целыми днями ходил по территории, выискивал, что можно продать. Ночами, как вор, кому-то это продавал. Воровство происходило на глазах у Надира. В каком-то смысле, при его участии. Надир удивлялся: «От кого я должен охранять имущество, если директор – главный вор?» Директор же говорил: «Предпринимаемые меры – в интересах предприятия, чтобы избавиться от налогов». Ум Надира не мог постичь эту логику. «Тогда почему это делается ночью, тайком?» – удивлялся он. Словом, и это место ему не подошло. Он не желал быть соучастников воровства и уволился. Два месяца жил без работы, без денег. За это время он стучался в двери всех предприятий, но двери не открылись.

В одно утро он ломал голову, куда ему еще можно было пойти. Остались ли еще такие места, где он не был? Решив для начала пойти проведать мать, он выглянул во двор – не ходит ли там старик, хозяин квартиры. Надир уже два месяца не вносил оплату.

Клиника находилась на городской окраине. Надир пошел туда пешком. По дороге заметил, что на деревьях только-только появились почки. Как быстро летит время. Надир перебрался в город поздней осенью. Погруженный в свои переживания, он даже не заметил, как прошла зима.

Давно некрашенные железные ворота клиники пожелтели, поржавели. Когда Надир через проходную вошел во двор, его глазам предстало странное зрелище. Посреди двора, по краям бассейна, в полосатых пижамах выстроились больные. Тот, кто стоял первым в ряду, держал в руках ведро. Он набрал из бассейна воду и отнес ее к деревянной бочке, стоящей чуть дальше. Вода с шумом выливалась из дырок бочки и опять стекала в бассейн. Не обращая на это внимания, больной передавал ведро соседу, а сам занимал место в конце ряда. Следующий больной тоже наполнял ведро... Таким образом, вода набиралась из бассейна в ведро, из ведра выливалась в бочку, из бочки выливалась в бассейн. Люди в полосатых пижамах были довольны своей работой, неторопливо, с серьезным видом ходили по кругу. Недалеко от бассейна, на скамейках под деревьями, в белых халатах сидели студенты медицинского института. Наблюдая за этим бессмысленным зрелищем, они что-то записывали в тетради.

Пытаясь в толпе больных отыскать мать, Надир присел на край скамьи, где сидели два студента. Один из них был толстый, в очках, другой худощавый, ему был к лицу белый халат. Они посмотрели на Надира и продолжили делать записи.

– Завтра праздник. Может, разрешат отдохнуть, – сказал толстяк, почему-то глядя на Надира.

– Все дело в преподавателе. Он с утра до вечера находится среди пациентов, и у него самого поехала крыша. Разве нормальный человек будет работать по праздникам?! Завтра весь народ будет праздновать Навруз. Мы же должны находиться тут. А чего мы здесь ждем? Когда наполнится дырявая бочка или пересохнет бассейн?!

Второй студент вместо ответа недовольно посмотрел на него, резко встал с места, пересел на другую скамью и продолжил свои записи. Толстяк усмехнулся и сказал: «Этот тоже сумасшедший!»

В это время Надир увидел среди больных свою мать и встал с места. Толстяк пристально взглянул на него. Надир не обратил на это внимание и смотрел на мать. Несмотря на то, что в последние годы Олтиной сильно сдала, однако даже в больничной пижаме она все равно чем-то отличалась от остальных больных. Все еще статная, смотрела спокойно, двигалась ровно. Вылив воду из ведра, мать наблюдала, как она вытекала из бочки. Когда почувствовала, что к ней подошел следующий больной, не глядя на него, передала ведро.

Как бы знакомы и дороги не были Надиру эти волевые движения, какая-то холодность, возникшая у матери в связи с болезнью, появилась в их отношениях. Может быть, по этой причине, в каждое свое посещение, он вначале с грустью и нежностью наблюдал за ней издали. Если мать видела его и узнавала, он подходил к ней, беседовал. Если же не узнавала и смотрела на него, не обращая внимания, подходить к ней было бесполезно. Сколько бы он не говорил ей: «Мама, мамочка, это я, ваш сын», – мать смотрела на него, как на чужого, поворачивалась и уходила. Однажды он поспешил за ней, но она окатила его таким леденящим душу взглядом, что у Надира мороз по коже прошел. Вот и сейчас она была настолько погружена в себя, что даже не взглянула в сторону сына.

Надиру стало не по себе, в горле застрял ком. Он тяжело дышал, глядя на мать. Неожиданно вспомнил отца, который понимал ее как никто другой, любил, оберегал и больше всех переживал за нее.

– Это ваша мать?..

– Что?..

Надир резко повернулся.

– Больная Хайдарова – ваша мать? – спросил его толстяк.

Надир кивнул и направился к выходу. Вернувшись от матери в подавленном настроении, он закрылся в комнате, завалился на диван и до вечера не вставал. За это время ливень дважды начинался и прекращался. Поднявшийся следом сильный ветер чинил во дворе беспорядки. Доносился стук воды по жестяной крыше, недовольно скрипели старые деревья, под порывами ветра дребезжали стекла в окнах. Старый пес, привязанный в конце двора, полаял и замолчал. Каждый звук, доносившийся со двора, с болью отдавался в душе. Из-за того, что он бедствовал, ему не давали покоя навязчивые мысли. Он хотел распутать клубок проблем, но не представлял как. Все планы, которые он намечал, оказывались пустыми, не давали результатов, в конце концов, все упиралось в деньги. «Прежде всего, я должен найти деньги. Деньги! Без денег не сделаешь и шага», – признался он себе, почувствовав, что заболело сердце. Он встал с места, залпом выпил остывший горький чай. Желая хоть немного успокоить мозг, распахнул створки окна. Холодный ветер ворвался в комнату. Не обращая на это внимания, тяжело дыша, он сел на подоконник. Ему не хватало воздуха...

В это время у ворот засигналила машина. Во дворе замигали две лампочки. Надир закрыл окно, улегся на диване. Кто-то торопливо прошел под окнами. Ворота открылись, машина с зажженными фарами въехала во двор. Вначале прекратился шум мотора, затем выключились фары. В доме в центре двора раздались радостные детские голоса. Мимо окна прошел хозяин. Надир узнал его по шаркающим шагам. Он направился проверить, закрыты ли ворота на все засовы. Затем выключил все освещение во дворе, по пути заглянул в окно Надира, но в комнату не вошел. Словом, убедившись, что все в порядке, старик успокоился и пошел в свою комнату. Из дня в день, примерно в одно и то же время, в этом дворе происходил один и тот же ритуал.

Когда Надир ходил по махалле в поисках дешевого жилья, первым ему встретился этот старик. По его представительной внешности чувствовалось, что раньше он был на высокой должности. Надир подошел к нему, поприветствовал, вежливо заговорил. Сказал, что ищет жилье. Тот пристально оглядел его с головы до ног, видимо, почувствовал расположение к Надиру, встал с места и велел: «Следуй за мной», привел его к себе.

Двор был довольно большой, с двух сторон огражден высоким забором. Посредине двора – сад с абрикосовыми, черешневыми деревьями и яблонями. Виноградник укрыт землей. С одного края двора, в трехкомнатном доме обитала семья младшего сына старика, с другой стороны в таком же доме с двумя детьми жила вдова умершего старшего. С левой стороны было еще несколько комнат. Еще одна комната была рядом с воротами.

Возле нее они и остановились. Старик достал из кармана связку ключей, открыл дверь. Комната была примерно девять-десять квадратных метров. На полу расстелен небольшой ковер, вдоль двух стен стоял диван, с левой стороны – шкаф для одежды и книг, посреди комнаты – письменный стол и два стула.

Старик вопросительно посмотрел на Надира. Заметив, что тот заметил на книги и тетради на столе, на обувь возле двери, старик сказал:

– Есть еще студент. Чтобы не было скучно, будете жить вместе. Ну как, комната нравится?

Надир кивнул.

– Студента зовут Кабил, учится в юридическом институте. Один ключ твой. Чувствуется, что ты из порядочной семьи, будешь вести себя хорошо, – выразил надежду старик.

Вот при таких обстоятельствах произошло их знакомство. При первой же встрече Надир почувствовал расположение старика и то, что он очень одинок.

На другой день Надир перебрался сюда со всеми своими пожитками. Оказывается, сосед по комнате учился на втором курсе, но уже держался, как прокурор района, это проявлялось в его словах и в поведении. Надир посмеивался и думал про него: «Этот парень, похоже, репетирует роль». Из-за того, что Кабил так задавался, у них не сложились отношения. «Какие же разные люди живут на свете», – думал Надир.

В институте вместе с Надиром тоже учились такие парни, он ни с кем из них не дружил, потому что у них была пустая голова, они много говорили, не ценили время, не уважали других людей.

Хотя студент не сказал этого вслух, в его взгляде отразился диагноз соседу «простофиля». Надир понял это, но не подал вида. Они прожили вместе два месяца, как совершенно чужие люди, никогда не говорили по душам. Наоборот, вечерами Надир читал книги. Кабил, хотел спать или нет, ложился на диван и отворачивался к стене, как бы говоря соседу: «Есть ты в комнате или нет, мне все равно».

Обоим парням такое противостояние было не по душе. Но Надиру некуда было деться, поэтому он терпел. Кабил, как будущий прокурор, с таким соседством примириться не мог. Как-то раз он вдруг разговорился. Хвастаясь, как маленький ребенок, сказал, что нашел более дорогую квартиру и ушел. С тех пор Надир жил один. Старик время от времени намекал Надире: «Было бы хорошо, если бы ты нашел себе соседа. Человек не должен быть таким одиноким, как ты». Но Надир не мог найти как другого квартиранта, так и денег, чтобы заплатить хотя бы за себя.

Вначале старик заходил по утрам, отчитывал парня. Краснея от стыда, Надир говорил: «Как только устроюсь на работу, с первой полочки выплачу весь долг». Но это были одни обещания. Похоже, старик устал ругать его и в последнее время перестал заходить. Но Надир понимал, что это лишь временное затишье перед бурей. Ведь неслучайно, когда они на днях утром встретились у ворот, старик через силу кивнул головой в ответ на его приветствие и поморщился.

Лишь бы опять не остаться на улице. Несколько дней он тайком уходил и приходил домой. Перед тем, как выйти, стоял одетый, наготове, просматривал двор. Если не видел там старика, быстро закрывал дверь и торопливо выходил на улицу. Но внутреннее чутье подсказывало, что через какое-то окно старик наблюдает за каждым его шагом.

Эх, если бы раздобыть немного денег!.. Хорошо еще старик совестливый. Другой бы на его месте давно выставил Надира на улицу. Скитаясь по квартирам, парень насмотрелся на хозяев. «Экономьте электричество, газ, воду, за все приходится платить», – говорили они, не давали свободно продохнуть. По сравнению с ними, старик стоил того, чтобы ему в ноги кланялись. Настанет такой день, Надир отблагодарит его. Лишь бы старик не думал о нем плохо. «Не думайте, что я негодяй, нет, никуда не убегу. Поверьте!.. Как только дела пойдут на лад, я не забуду вашу доброту. Говорят ведь, что пятнадцать дней луна скрывается в темноте, остальные пятнадцать дней светит ярко. Что поделаешь, я остался в темноте. Потерпите немного. Самую малость. Как только у меня появятся деньги, в первую очередь, заплачу вам за квартиру», – мысленно беседуя со стариком, Надир невольно ему завидовал. Как ему хорошо – не работает, а каждый месяц получает пенсию и есть крыша над головой».

Надир поднялся с дивана, подошел к окну. Прислушался. Ему захотелось выйти в тишину сада. Он осторожно открыл дверь, сел на ступеньку у порога. После дождя воздух был холодный и свежий. Сделал несколько глубоких вдохов, оглядел двор. Тишина и покой. Даже старый пес, лаявший, когда поднялся ветер, сейчас не подавал голоса. Все спали. Только у него была бессонница. В его душе продолжалась борьба. Он никак не мог успокоиться. «Считаешь, что всему виной безденежье?» – задавал он себе вопрос и тут же отвечал: «Так оно и есть! Будь у меня деньги, разве я опустил бы руки? Взрослый парень прятался, скрывался бы в своей комнате?!»

Он обхватил голову руками. Закрыв глаза: что же ему делать? Он не знал, сколько времени просидел так. Вдруг ему показалось, что кто-то толкнул его в шею. Надир испугался, открыл глаза. Возле него стоял старик.

– Почему ты сидишь здесь среди ночи? У тебя что-то болит? – сочувственно спросил старик.

– Нет, бессонница замучила. – Ему вдруг показалось, что если он откроет душу, старик поймет его. – Откровенно говоря, я не знаю, что делать. В поисках работы я обошел весь город, всех знакомых. Но будто все отвернулись от меня. Нищета и безысходность убивают человека. Я в растерянности, день ото дня возрастает долг за квартиру. Но вам не нужно беспокоиться. Как только я найду деньги, сразу рассчитаюсь с вами.

Старик внимательно выслушал Надира, погладил морщинистую шею и подбородок:

– Молодость – трудная пора, много переживаний, нетерпения, тупиков, – сказал задумчиво старик. – Вопросы, на которые нет ответа, загадочные события, нереальные мечты, страдания. Но все равно, ничто не может сравниться с молодостью.

Старик сел на ступеньку, рядом с Надиром. Парня вдруг прорвало:

– Кому нужна такая молодость? Хочешь честно зарабатывать свой хлеб – работы нет. Будь у меня хоть какие-то сбережения, может, где-то покупал дешевый товар и перепродавал на рынке по дорогой цене. Не знаю, люди ведь что-то делают. Честно говоря, мне не так уж много надо. Чтобы я никому ничего не был должен, чтобы не пришлось ни у кого просить денег, чтобы была хорошая семья. И еще... чтобы выздоровела мать. Сейчас я похож на кустарник, который сохнет в пустыне без глотка воды. Все, что я ни делаю, оказывается ошибкой. У нас был большой дом с большим садом, которому отец с матерью посвятили жизнь. Чтобы вылечить мать, я решил его продать и на оставшиеся деньги купить на окраине города небольшой домик. Скажите, разве умный человек будет продавать дом в такое беспокойное время, когда все обесценилось? Вы спросите, что из этого вышло: я прогорел. Я сам чуть не сошел с ума. Сын, способный горы сокрушить, не может себя прокормить. Вы говорите, молодость ни с чем нельзя сравнить, но кому нужна такая молодость?!

Чтобы отвлечь парня от душераздирающих мыслей, старик рассказал ему немного о своей прошлой жизни. О том, что много лет работал прокурором в разных областях республики, всю жизнь стоял на страже закона, ради высших идей жил иногда правильно, иногда неправильно, вот дожил до этих лет. Хотя его тело постарело, одряхлело, сердце его осталось прежним, оно не признает старости. Однако, понимая, что старику следует думать о вечной жизни, приготовил все необходимое для похорон, в последнее время стал часто говорить сыну о поминальных обрядах и на каком кладбище его похоронить.

– Ты видишь, какая разница между тобой и мной? – спросил он парня.

Однако, даже после всего сказанного, настроение Надира не изменилось.

– Если сравнить нас двоих, то ваше положение лучше моего. Вы не думаете, как прокормить себя, не боитесь, что останетесь на улице, если не заплатите квартплату. Вас окружают близкие люди, хотя опасность смерти существует, но у вас большие возможности жить спокойно, – сказал парень.

Старик встал с места, внимательно посмотрел на него. Хотя в темноте ясно не разглядел, но НаDIR почувствовал в его взгляде сострадание.

– На долю каждого поколения выпадает своя трагедия. Сильному человеку свойственна выдержка, он до смерти остается в строю. Переходный период временный. Когда преодолеешь трудности, ты забудешь о нем, будто его и не было. Но воля человека закаляется именно в такие времена. Конечно, в этой ситуации он мобилизует все силы. Со временем, стыдится людского бессилья. Мне довелось встретить среди преступников особую группу людей. Одни из них оказались за решеткой из-за превратности судьбы, другие – по ошибке. Во время заключения они пересмотрели всю свою судьбу, «от» и «до». Таким образом, они оттачивали ум. Выйдя на свободу, они полностью изменили жизнь. Тюрьма стала препятствием на пути неизвестно куда бегущего человека, показала, в чем подлинный смысл жизни. Эти люди уже в тюрьму повторно не возвратились. Отбыв срок, они добивались таких успехов, о которых до тюрьмы и думать не могли.

И тут Надир рассказал о том, что мать, оказавшись в тюрьме, сошла с ума. Старик пожалел Надира, понял, что парень, действительно, оказался в безвыходном положении. Для того, чтобы выбраться из этой ситуации, ему нужна была неожиданная удача или чья-то поддержка со стороны.

– Ты еще увидишь, как бы не была тяжела жизнь, но где-то в уголках души останутся воспоминания о молодости. Ладно, ты ни о чем не думай, иди, выпипись! – сказал старик, и волоча ногу, ушел к себе.

* * *

Старик говорил Надиру правду. Когда он работал главным прокурором в разных областях республики, то не раз заставлял людей подчиняться закону. Преступники после приведенных им улик и показаний свидетелей вынуждены были признать вину. Прокурор изо дня в день боролся с адвокатами, которые разными путями пытались оправдать своих подзащитных, совершивших тяжкие преступления. Вполне возможно, что из-за его принципа: «Закон – превыше всего» многие пострадали. Однако старик не сказал Надиру о том, что будучи таким решительным поборником законности, сам переступал закон. Он брал от жизни все, что само шло в руки: играл деньгами, менял машины на более дорогие марки, имел много женщин, отдыхал с ними на знаменитых курортах. Для всего этого нужны были средства, поэтому он никогда не отказывался от взяток. Он не мог жить иначе. Так жили все люди его круга. Сторониться их означало лишиться прокурорского кресла.

Был у него еще один недостаток – он был эгоистом, который думал только о собственной выгоде. Он не знал, был ли этот недостаток врожденным или приобретенным на поприще закона, но не собирался исправлять его. Его долго не отпускали на пенсию, да он и сам не спешил на покой, потому что любил деньги, ему нравились слава и почет, ему поручали вести громкие процессы. Так случилось, что ему, как старейшему опытному прокурору, поручили вести и «хлопковые дела». Он справился с поставленной задачей и вышел на пенсию.

Старик уже никому не говорил о своей причастности к этому громкому процессу, не появлялся на людях. Времена изменились. «Хлопковые дела» стали пересматриваться, людей оправдывали, выпускали на свободу. Старик вел дела в своей семье. Иногда между ним и сыном возникал спор из-за пустяка. Сын не всегда признавал свою вину, старик возмущался, кричал на него: «Коли так, приводи достоверные факты, чтобы я поверил твою невиновность». Со временем старик сменял гнев на милость, смягчался. Иногда говорил: «Все люди одинаковые: и те, кого ты воспитал, и чужие». Зная его характер, невестки старались всегда говорить ему правду, лишний раз не беспокоили старика по пустякам. Однако, в последнее время его эгоизм вырос еще больше.

Несмотря на то, что он не любил одиночества, когда похоронил жену, сказал себе: «Чем на старости лет доживать свой век, ругаясь с женщиной, лучше умереть, мучаясь от одиночества», – предпочел участь холостяка.

Жена его, хотя он никогда не говорил этого ей самой, была красавица. Его устраивало то, что она никогда не ругала его, не вмешивалась в его дела, верила ему, а может, делала вид, что верит. Может, жена боялась его потерять, поэтому никогда не противостояла ему. Когда он возвращался домой в плохом настроении и видел, что жена приготовила его любимое блюдо и терпеливо ждала его, он говорил: «У тебя есть хоть какая-то фантазия? Тебе не надоело жить, глядя на жизнь моими глазами? Тебе не тоскливо на белом свете?» Жена и тогда молчала. Он приходил к странному выводу: «Скандалы между мужем и женой пробуждают забытое от этой благополучной жизни чувство любви», – и смотрел на жену, как на ненужную в доме вещь, которую, тем не менее, жалко выбросить.

Когда жена скоропостижно умерла, с его глаз спала пелена. Он вдруг понял, что безумно любил ее. Ее неожиданный уход из жизни казался верхом несправедливости. Жена должна была жить. Она сидела дома, не надрывалась на работе, только занималась детьми. Но она не смогла пережить смерть старшего сына.

«По справедливости, я должен был умереть. Почему умерла она? Ведь она была чистая, честная. Она не была жадной до денег, не гналась за чинами, как я, не поддерживала отношения с плохими людьми. Никогда не вмешивалась в чьи-то скандалы. Всю жизнь верила и молилась. А потом вдруг ушла. Это несправедливо».

Вначале он завел привычку разговаривать с женой, глядя на фотографии. Позднее обходился без фотографий, как только оставался в комнате один, начинал разговаривать с ней вслух. Бывало и так, что в разговоре горячился, кричал на жену: «Прожив рядом со мной тридцать лет, ты так и не поняла меня, и после смерти не понимаешь!» Проговорив с Надиром до полуночи, старик вернулся в комнату, сразу подошел к портрету жены, висевшему на стене:

– Скажи, какую помощь я должен оказать этому парню? – спросил старик у жены, которая, как ему казалось, испытующе смотрела на него. – Я чувствую, что парень нуждается в поддержке. Эх, в такое смутное время всем нужна опора, но парню особенно, он оказался в безвыходном положении. Неслучайно ведь говорят – «переходный период». Что поделаешь? А с другой стороны, разве нам было легче? Чудовище по имени «партия» не давало свободно дышать. Всех нас вместе варили в одном котле. А сейчас... сейчас посмотришь на одного, он готов продать последнее, что у него есть, посмотришь на другого, а он по горло погряз в богатстве. Не знает, куда девать деньги. Молодежь бедствует. Что ты хочешь? Капитализм. Человеческое достоинство не стоит ломаного гроша. По логике вещей, ни в какие времена человек не ценился и не будет цениться. Только у него самого должно быть чувство собственного достоинства, ему нужно контролировать каждый шаг. В противном случае, каждый встречный может растоптать его и идти дальше. К сожалению, во все времена, при смене строя страдал народ. Такое было в начале прошлого века, когда произошла пролетарская революция. Люди пухли от голода, умирали на улицах. Грамотные, образованные люди подвергались репрессиям. Кто успел, покинул страну. Такие, как твой отец, были объявлены «врагами народа». Десятки тысяч были расстреляны, другие отправлены на долгие годы в ссылку. Да, жена, жизнь сложная штука. Кто-то из поэтов сказал: чтобы прожить сто лет, нужно запастись терпением на сто лет. Ты ушла, спасла свою душу. Кому тяжело – так это мне, я остался в одиночестве».

Старик сел в кресло-качалку, которое стояло напротив портрета, и закрыл глаза.

Ему почему-то вдруг вспомнились слова Надира: «Мне такая молодость не нужна...»

– Подожди, паренек. Я устрою тебе проверку. Ты ведь не понял, насколько пустяковые твои проблемы по сравнению с тем, что тело дряхлеет, вокруг не остается друзей, старики уходят один за другим, живешь в страхе, с замирающим сердцем, думая, что очередь за тобой. Если бальзам, действительно, имеет чудодейственную силу, то ненадолго, месяца на два мы с тобой поменяемся местами, вот тогда я посмотрю на твое состояние. Психология человека так устроена, что он не довольствуется тем, что имеет, а мечтает о чем-то несбыточном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.